

УДК 811.512.153

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-1-186-197

К проблеме многозначности слова в хакасском языке (на примере экспрессивной глагольной лексики)

М. Д. Чертыкова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

✉ chertikova@yandex.ru

Аннотация. Объектом исследования являются хакасские многозначные глаголы разговорного стиля, предметом – функционально-семантические особенности данной категории глаголов, а также их семантические модификации, на основе которых образуются их переносные лексико-семантические варианты (ЛСВ). Полисемантические глаголы разговорного стиля благодаря своему широкому ситуативно-прагматическому потенциалу, как правило, обладают наиболее сложным, обобщающим значением, граничащим с десемантизацией, поэтому не всегда фиксируются в лексикографических источниках. Актуальность исследования обусловлена тем, что фактически отсутствуют работы, посвященные изучению разговорно-бытового стиля хакасского языка. Также данная тематика тесно связана с понятием экспрессивности, которое на материале хакасского языка исследовано недостаточно. Целью работы являются выявление и описание с функционально-семантической точки зрения многозначных глаголов разговорного стиля. При достижении данной цели были задействованы следующие взаимодействующие понятия и вопросы: экспрессивный стиль языка, явление многозначности в языке, семантический потенциал слова, представление экспрессивной лексики в лексикографических источниках, хорошее знание родного языка как залог образно-интуитивного восприятия окружающего мира и др. В работе были использованы методы дистрибутивного и компонентного анализов, позволяющие выявлять сочетаемостные возможности и семантические признаки описываемых многозначных глаголов, в частности, определять грамматические, синтаксические и семантические способы образования экспрессивов. Также выявлены не зафиксированные в Хакасско-русском словаре (ХРС) [2006] экспрессивные частотные глаголы и не указанные в словарных статьях лексико-семантические варианты глаголов, используемых в разговорно-бытовой речи. Материалом для анализа послужили примеры, собранные из произведений хакасских авторов. Анализируемые нами глаголы, как правило, являются специфической принадлежностью разговорной речи литературных персонажей. Теоретическая значимость заключается в том, что получены новые знания в плане описания многозначных глагольных лексем разговорного стиля, которые послужат теоретическим подспорьем при дальнейших разработках явлений многозначности и экспрессивности в хакасском и других тюркских языках. Практическая значимость может выражаться в использовании материалов исследования в составлении словарей идеографического типа, учебников, а также в преподавательской деятельности. В статье понятия «многозначность» и «экспрессивность» обсуждаются в рамках резюмированного понимания целого комплекса стилистических, эмоциональных, просторечных и других феноменов языка. Тем самым предпринимается попытка обозначения проблемы для дальнейших более углубленных и тщательных исследований данного богатого и своеобразного пласта хакасской лексической системы.

Ключевые слова: хакасский язык, многозначность, семантический потенциал, экспрессив, разговорный стиль, глагол, семантика, функционирование, лексико-семантический вариант, словарь.

Для цитирования: Чертыкова М. Д. К проблеме многозначности слова в хакасском языке (на примере экспрессивной глагольной лексики). Вестник СВФУ. 2024, Т. 21, №1. С. 186–197.

DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-1-186-197

On the problem of word polysemy in the Khakass language (on the example of the lexicon of expressive verbs)

M. D. Chertykova

N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

✉ chertykova@yandex.ru

Abstract. The subject of the study are polysemantic Khakass verbs of colloquial style, the functional-semantic features of this category of verbs, as well as their semantic modifications, on the basis of which their figurative lexical-semantic variants are formed. Polysemous colloquial verbs, due to their wide situational-pragmatic potential, usually have the most complex, generalising meaning, bordering on desemantisation, and therefore are not always recorded in lexicographic sources. The relevance of the study is due to the fact that there are practically no works devoted to the study of the colloquial and everyday style of the Khakass language. Moreover, this topic is closely related to the concept of expressiveness, which has not been sufficiently studied with the help of Khakass material. The aim of the article is to identify and describe polysemous verbs of the colloquial style from a functional-semantic point of view. In achieving this goal, the following interacting issues were raised: expressive style of language, the phenomenon of polysemy in language, semantic potential of a word, representation of expressive vocabulary in lexicographic sources, good knowledge of the native language as a guarantee of figurative and intuitive perception of the world around us, etc. Methods of distributional analysis and component analysis have been used in the work, which make it possible to identify combination possibilities and semantic features of the described polysemantic verbs, in particular to determine the grammatical, syntactic and semantic methods of forming expressions. In addition, verbs with an expressive frequency not recorded in the Khakass-Russian Dictionary [2006] were identified, as well as lexical-semantic variants of verbs used in everyday speech not listed in the dictionary entries. The material for the analysis were examples collected from the works of Khakass authors. The verbs analysed are, as a rule, a specific part of the colloquial language of the literary characters. Theoretical significance: new knowledge has been obtained in terms of describing polysemantic verbal lexemes of colloquial style, which will serve as theoretical support for further development of the phenomena of polysemy and expressiveness in Khakass and other Turkic languages. Practical significance can be expressed in the use of research materials in the compilation of ideographic dictionaries, textbooks, as well as in teaching activities. In our article, the concepts of "polysemy" and "expressiveness" are discussed within the framework of a summarised understanding of a whole complex of stylistic, emotional, colloquial and other phenomena of language. In this way, an attempt is made to identify the problem for further in-depth and thorough studies of this rich and unique layer of the Khakass lexical system.

Keywords: Khakass language, polysemy, expressive, colloquial style, verb, semantics, lexical-semantic variant.

For citation: Chertykova M. D. On the problem of word polysemy in the Khakass language (on the example of the lexicon of expressive verbs). Vestnik of NEFU. 2024, Vol. 21, No. 1. Pp. 186–197. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-1-186-197

Введение

Одной из актуальных задач тюркской лексикологии является решение вопроса лексической многозначности, имеющей непосредственное отношение к проблеме семантики. Этот сложный и распространенный аспект лексической системы находит свое отражение в грамматическом, синтаксическом и семантическом процессах любого языка. В лексической системе, как правило, однозначные слова представляют меньший процент, например, это могут быть наименования бытовых предметов: пальто, борщ, чатхан (название хакасского музыкального семиструнного инструмента), обувь и т. д.

Большинство же слов многозначны и / или потенциально многозначны, т. е. способны иметь более чем одно значение. Язык как живой организм находится в постоянном движении, и любая лексическая единица может таить в себе определенный потенциал смысловых трансформаций. Явление многозначности имеет системный характер, поэтому лингвистам при исследовании различных языковых категорий так или иначе приходится затрагивать данный вопрос. В целом же в русистике тема лексической многозначности получает глубокое и многоаспектное освещение и, соответственно, имеется множество теоретических основ и положений [1–6]. В тюркских языках также активно изучаются многозначные единицы во взаимосвязи с лексической семантикой, стилистическими и синтаксическими функциями слов [7–10]. На хакасском материале тематика явлений многозначности слова открыта и перспективна, на сегодняшний день вопросы глагольной полисемии разрабатывались только в работах О. Ю. Кокошниковой [11], О. Ю. Шагдуровой [12], М. Д. Чертыковой [13, 14] и др.

Исследование лексической многозначности дает возможность выявлять универсальные и дифференциальные признаки в семантической структуре слова, взаимодействие его семантики с грамматическим оформлением, контекстуальные реализации оттенков значений слова и его сочетаемостные возможности, метафорические переосмысления и исторические процессы в развитии семантики слова и т. д. По сути же, изучая явление многозначности слова как феномена языкового расширения в сознании человека, мы с семантико-когнитивной точки зрения прослеживаем процессы трансформации человеческого мышления и восприятия окружающего мира. Как отмечает Г. И. Кусова: «Полисемия – это одно из основных средств концептуализации нового опыта. Человек не может понять нового, не имея какого-то “данного”, поэтому он вынужден использовать старые “знаки” и приспособлять их к новым функциям, распространять их на другие ситуации» [4, с. 11].

Цель работы – выявить с функционально-семантической точки зрения многозначные глаголы разговорного стиля и описать их. Материал для анализа собран из юмористических произведений хакасских авторов, в частности, Ю. Топоева и И. Топоева. По нашим наблюдениям, словарный состав разговорно-бытовой лексики характеризуется обилием однозначной (номинативной) лексики, высокочастотных глаголов с размытой семантикой, преобладанием метафорических и метонимических переносов в содержании слов, контекстной реализацией (конкретизацией) дифференцированных признаков слов с обширной семантикой и т. д. При анализе и описании данного материала соприкасаются несколько самостоятельных, но в то же время взаимодополняющих аспекта: экспрессивный стиль языка, явление многозначности в языке, семантический потенциал слова, представление экспрессивной лексики в лексикографических источниках, хорошее знание родного языка как залог образно-интуитивного восприятия окружающего мира и др.

Экспрессивный стиль языка

Рассматриваемый нами языковой материал относится к стилистически маркированной части хакасского языка, обладающей свойством экспрессивности. Данная категория лексики функционирует в основном в диалектной и разговорно-бытовой сфере. Известно, что экспрессивная лексика представляет собой один из наиболее сложных и многогранных фрагментов лексической системы любого языка. В семантике экспрессива пересекаются дифференциальные признаки эмоционального, оценочного, образного характера. В целом же понятие экспрессивности является субъективной и / или антропоцентрической категорией, поскольку оно отражает восприятие человеком окружающей действительности. Н. А. Лукьянова отмечает, что экспрессивность – это и есть «... представления говорящих о качественно-количественных проявлениях реалий (предметов и их признаков, признаков других признаков, а также действий, состояний и процессов), непосредственно переживаемые эмоции, чувства говорящих, субъективные мнения, оценки о предметах речи» [15, с. 213].

Важной особенностью лексической экспрессивности хакасского языка, как и других языков, является семантическое развитие слова, при котором конструктивно-семантическая и прагматическая функции слова в соответствующих контекстах доминируют на фоне нейтральной. Предметно-логические (номинативные) и психологические (экспрессивные) связи слова возникают в результате «ассоциации “коллективного” характера, примерно совпадающие у многих людей, хотя, конечно, слово в сознании отдельного человека может иметь добавочные ассоциативные связи, обусловленные его личным опытом, образованием, воспитанием, ситуацией речевого общения и др.» [16, с. 74]. Следовательно, подобный процесс приводит к другой языковой закономерности – многозначности слова, основанной на развитии метафорического переноса. На материале языка хакасского разговорного стиля, создаваемого, как правило, эмоционально-окрашенными, экспрессивными, просторечными средствами языка, нами выделены лексико-семантические группы глаголов с общими значениями, например:

а) «говорить»: *izit-* «1) согреть; 2) *перен.* сказать остроумно, задеть кого-либо за живое»; *toislat-* «1) стучать; 2) *перен.* сказать»; *čörgis-* понуд. от *čör-* «ходить» «1) заставить ходить; 2) *перен.* говорить что-либо»; *marla-* «1) реветь, плакать; 2) *перен.* орать»; *ыра тарт-* «1) рвать; 2) *перен.* орать»; *хыхыхта-* «1) скрипеть; 2) *перен.* ворчать» и т. д. *Хайди син аны izit пирдің, тискенче парган* – Как же ты его согрел (задел за живое; букв. согрел), он аж сбежал. – *Аны – харибге, мині – больницаа, – чöргізіп одыр ол табан* – Его – в тюрьму, а меня – в больницу, – говорит (букв. заставляет ходить) тот парень;

б) «пить (чаще, спиртное)»: *тарт-* «1) тянуть; 2) *перен.* пить»; *урын-* с аф. возвр. залога *-ын-*: «1) выливать на себя; 2) *перен.* пить»; *тöгін-* с аф. возвр. залога *-ін-*: «1) лить на себя; 2) *перен.* пить»; *тых-* «1) жрать; 2) *перен.* пить (спиртное)»; *тыгын-* с аф. возвр. залога *-ын-*: «1) обжираться; 2) *перен.* пить (спиртное)»; *хортлат-* «1) хлюпать (о грязи); 2) *перен.* пить» и др. *Алай спирт izibistim me? Pil polbin, pazox тартыбыстым* (Хö, 20) – Или я спирт выпил что ли? Ничего не понял, опять тяпнул. *Хайда тöгін килдің?* (Ах, с. 222) – Где нажрался? – *Кичее тоже 8 Март полган ма? – аахтапча ипчизи. – Хайда тыххазың?* (Хö, 156) – Вчера 8 Марта было, что ли? – орет [его] жена. – Где жрал? *Арага суг ла чили ахчаң... Тыгын нинче кирек..* (Кча, 142) – Водка текла [обычно] рекой... Обжирайся сколько хочешь. Глаголы *тых-* «жрать», *тыгын-* «нажираться, обжираться» в передаче значения «пить (спиртное)» калькированы с русского языка и успешно адаптированы в хакасскую разговорную среду;

в) «идти, двигаться»: *сүс-* «1) бодаться; 2) груб. идти», *сыылат-* «1) заставить жужжать; 2) двигаться быстро или на транспорте», *чыс-* «1) вытирать; 2) идти», *одырыбыс-* «1) сесть; 2) уйти, уехать»; *шал-* «прост. 1) ударить; 2) *перен.* пить (спиртное); 3) *перен.* идти» и др. *Позы, тізең, айлана тартып, ибінзер чыза халды* (Хö, 117) – А сам, повернувшись, удалился (убрался) домой. *Хайдар сүстір паризың, яблах теербин!* – Куда поперся вместе того, чтоб перебирать картошку!;

г) «умереть»: *ташли хал-* «1) шлепнуться; 2) *перен.* умереть»; *талбаңни хал-* «1) колышаться; 2) *перен.* умереть; соотв. русск. коньки отбросить»; *тапли хал-* «1) падать с шумом; 2) *перен.* умереть»; *тракай пар-* «умереть»; *талой пар-* «умереть; от русск. заимств. долой» и др. *Сынап таа, имненерге кирек. А то тігі, ташли халарга ұр нимес* (Хö, 7) – И вправду лечиться надо. Иначе недолго и коньки отбросить. *Ам ну тараканнар прай талой парар* (Хö, 162) – Теперь эти тараканы все сдохнут. – *Хайа, магаа пирөк, – туйгазын сунча тораады. – Так... син пір тамчых никотинге тапли халарзың! – ұрүкче Марлоң* (Хö, 129) – Дай мне тоже, – протягивает свое копыто [его] гнедой. – Так... ты же из-за одной капли никотина крякнешься! – удивился Марлон. Значение «умереть» выражается глагольными аналитическими конструкциями, где вспомогательные глаголы *хал-* «букв. остаться», *пар-* «букв. идти» указывают на необратимость и однократность действия. Экспрессивный окрас подобных глаголов обнаруживается в ироническом отношении говорящего к происходящему, на которое наслаивается эмоционально-оценочный оттенок. А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин в своем исследовании русского глагола отмечают, что

семантика окончательности, исчерпанности, полной завершенности действия имеют прямое отношение к экспрессивности, например, нажраться, умять, ухлопать, наглядеться и др. Подобные глаголы «подчеркнуто выражают значение абсолютного конца, полного прекращения действия или деятельности, отличающихся значительной мерой предшествующей длительности и интенсивности» [17, с. 18].

Семантический потенциал слова есть источник развития многозначности

Семантический потенциал лексемы определяется экстралингвистическими параметрами и, соответственно, «... включает два аспекта: что можно извлечь из исходного значения и связанной с ним ситуации и на что можно «распространить» знак, какие новые ситуации вовлекаются в его семантическую орбиту» [4, с. 11]. Известно, что расширение такой семантической «орбиты» слова обеспечивается его валентностью, которая приводит к дополнительному признаку в семантике. Как правило, к подобной лексической категории относятся наиболее частотные в употреблении слова, например: глагол *чыс-* / *чызарга* «1) тереть, натирать, вытирать; 2) *перен. прост.* надавать как следует, проучить как следует, сильно ругать; 3) стащить, украсть, мошенничать» [18, с. 1015–1016]. Как видим из словарной статьи, первичный ЛСВ данного глагола – «тереть, натирать, вытирать», который имплицитно в своем содержании признаки, связанные с другими внеязыковыми пространствами. В ходе анализа его контекстной реализации мы выделяем переносные, подтверждающие указанные выше ЛСВ:

1) «порицать, ругать / бить». *Кемде иди хончам тін, үрүк пардым. Нёёс вытрезвительде? Ам хатыма чыстырарбын* (Хё, 151) – Я испугался, где я ночую? Неужеле в вытрезвителе? Теперь [моя] жена будет ругать (бить?) меня. *Кичее тогыста чыстыргам...* (Кча, 228) – Вчера меня ругали (били?) на работе. Глагол *чыс-* с аффиксом понудительного залога (*чыстыр-*) не конкретизирует выражаемое действие: сильно ругать / бить *кого-л.* Однако показатель совершенного вида *-ыбыс-* и сочетание с вспомогательными глаголами *пир-* «букв. дать», *ал-* «букв. брать», которые тоже указывает на свершившееся действие, уточняют семантику данного глагола: бить. *Мин аны, хызылахты, алох чызыбызам* (Кх, 18) – Я его, красненького, побью сейчас. *Хароол хончиин чыс пиртир* – Хароол, оказывается, побил соседа. *Ам, нойма, позы чыстырып алды* (Хё, 30) – Теперь его самого побили;

2) «воровать, мошенничать». Реализация данного ЛСВ обеспечивается путем присоединения к основе глагола аффикса совершенного вида *-ыбыс-* и сочетания со вспомогательными глаголами *пар-* «букв. идти», *кил-* «букв. приходиться», *ал-* «букв. брать». В качестве объекта выступают имена с вещественным значением: *Пирси позының чіткен пугазын танып салтыр. Хончыгы чызыбыстыр нізе аны* (Хё, 30) – Один [из них] узнал своего утерянного быка. Оказывается, его украл сосед. *Анаң ікінчі күнінде, чіңең нимелер орнына хайдаг ла полза «какалар» ораап, сал салган. Аны ідбк чыс парыбысханнар* (Хт, с. 47) – Затем на второй день вместе еды завернул в бумагу всякие какашки и положил там же. Его тоже украли. *Пуға чоғыл, торбах пар, а сосхацах полган, че кем-де чызып алган* (Хё, 29) – Быка нет, есть бычок, а поросенок был, но кто-то украл.

В ходе анализа материала выявлены также дополнительные, не зафиксированные в ХРС ЛСВ семантики глагола *чыс-*;

3) «вытурить, выгнать *кого-л. откуда-л.*», например, *ибдең сыгара чызыбыс-* «выгнать *кого-л.* из дома; букв. вытереть из дома», *теелбек өмезінең сыгара чызыбыс-* «выгнать *кого-л.* из танцевального коллектива; букв. вытереть наружу из танцевального коллектива» и т. д. *Как настоящий капитализмдегі чілі, тогыстаң сыгара чызыбысханнар* (Хё, 166) – Его вытурили (букв. вытерли наружу) с работы, как при настоящем капитализме;

4) «идти, двигаться *куда-л. по какой-л. трассе*». *Ам, ахчазын кассадаң суурып, кізілердең өдіске алып, городсар чызыбысты* (Хё, 130) – Теперь, получив [свои] деньги из кассы и заняв деньги в долг у людей, уехал в город (букв. вытер [в сторону] города). *Араға най кирек полза, мин пазох чыс пар килем* (Хё, 78) – Если сильно нужна будет водка, я снова

смотаюсь (букв. схожу-вытеру). Реализация ЛСВ «вытурить, выгнать кого-л. откуда-л.» и «идти куда-л.» глагола *чыс-* происходит за счет его сочетания со словами, указывающими на локацию и траекторию движения субъекта. Также в таких случаях глагол *чыс-* принимает аффикс совершенного вида *-ыбыс-* и сочетания с вспомогательным глаголом, выражающим совершение действия;

5) «пить (обычно, спиртное)». *İki табан арагаох чыс парчалар* (Хö, 79) – Два парня опять водку хлещут. Данный ЛСВ глагола *чыс-* характеризуется наличием признака «интенсивность».

Семантика следующего глагола *ызылат-* «1) бросать, кидать *что-л.* с силой, резко; *тас ызыладарга* бросать с силой камень; 2) ударить, хлестнуть внезапно, резко; <...>; 3) *перен.* выпалить, сказать хлестко, хлестать словами; *сöснөң ызыладарга* хлестать (убить) словом; *чоогын ызылат ла тур* [он] говорит и говорит (беспрестанно)» [18, с. 1036] актуализирует факт каузации, что подтверждается также застывшей в основе формой понудительного залога. Возможно, он образован от глагола *ыс-* «отправлять» путем прибавления аффикса страдательного залога *-ыл* и понудительного залога *-т*. В его семантике исходная каузативная мотивировка «отправлять» сохранилась, но претерпела метафорическую трансформацию в сторону воздействия на объект или адресата. В нашем случае наиболее частотной оказалась реализация ЛСВ «бить, ударить», который требует сочетания с одушевленным объектом в форме винительного падежа: *Ўр дее чоохтаспин, ызылат пар килдi минi* (Хт, с. 40) – [Он] недолго разговаривая, ударил меня. *Ызылат пар килчең ме тiгi чиптестi* (Кча, 230) – То ли ударить того дурака.

Если же в предложении не указывается объект, то он известен из широкого контекста: *Öкпеленгенiне Никифор пазох ызыладыбызарга иткен* (Кча, 274) – От злости Никифор хотел ударить еще раз. *Хачан ол табан чирнi сүсклеп пар килгенде, сымзырых пол парган. Най тың ызыладыбыстым ма таң?* (Кча, 265) – Когда этот парень упал так, что забодал землю, наступила тишина. То ли я сильно ударил [его]? *Син пурун ызылатхазың, син бутылка ал* (Хт, с. 49) – Ты первый ударил, ты и покупай бутылку.

Следующий переносный ЛСВ данного глагола «говорить» также реализуется на основе его валентности с соответствующими конкретизаторами: *Оралдай андаг хылыхтыг. Кем көңнiне кирбеең, ұр сагынмас, көнiзiнең ызыладыбызар* (Хö, 33) – Такой уж характер у Оралдая. Кто ему не нравится, долго не думает, говорит прямо в лицо. *Мин, тiзең, ол оолга көнiзiнең ызлатчам:* – *Кiзi усхур саларбыс, аның комнатазында узупча* [Пт, 14] – Я же тому парню говорю прямо: Как бы нам не разбудить человека, в ее комнате спит. В этих предложениях сема говорения извлекается из сочетания глагола *ызылат-* с наречием *көнiзiнең* «прямо в лицо; букв. напрямую».

В экспрессивной сфере разговорной речи глаголы с каузативным оформлением образуют отдельный семантический разряд, *сыылат-* в ЛСВ «быстро и с шумом ходить», *тазылат-* в ЛСВ «ударить, стукнуть», *ызылат-* в ЛСВ «ударить, стукнуть», *наардыр-* «быть побитым», *пирдiр-* «*перен.* быть побитым; букв. заставить дать», *чыстыр-* «*перен.* быть обворованным; букв. заставить вытирать» и др. Все эти глаголы имеют значение каузативного (понудительного) воздействия на объект, за исключением глагола *сүстiр-* в ЛСВ «идти», в основе которого показатель понудительного залога десемантизировался.

В случаях метафорических переносов глаголов меняются и их семантические актанты, в целом же и их основные модели, отражающие прототипические ситуации, например, первичное значение глагола *чыс-* «вытирать» распространяется и на другие конфигурации: воздействие на одушевленный объект – отчуждение какого-либо предмета – движение. Тем самым мы наблюдаем, как слова, имеющие нейтральный стилистический статус, переходят в разговорный пласт лексики. На подобное расширение семантики слова существенное влияние имеет «... аналогия: знака одной ситуации на другую ситуацию на том основании, что у этих ситуаций усматривается сходство» [19, с. 70]. На примере вышеприведенных глаголов мы увидели, что изначально они имели нейтральную

семантику, экспрессивную сему они приобретают в результате актуализации переносной экспрессивной информации в контексте.

Репрезентация экспрессивной лексики в лексикографических источниках

Как известно, идеальных словарей не бывает, поскольку их создание всегда отстает от целого комплекса динамичности внешнего мира: от экономических, социальных, политических, научно-технических и других трансформаций общества. Однако словари всегда обладают определенным потенциалом своего дальнейшего совершенствования, обновления и дополнения информации. За рамками лексикографической обработки всегда остается какая-то часть лексической системы, нераскрытые семантические признаки или же вторичные структуры отдельных лексических единиц. Часто остаются не отраженными в словарях экспрессивная лексика и лексика разговорного употребления. Учитывая, что словари имеют и учебное предназначение, лексикографы ориентируются в первую очередь на литературный вариант языка. Экспрессивные и просторечные слова не относятся к высокому уровню речевой культуры, и такого рода словоупотребления воспринимаются как аномативные. Однако именно такой пласт лексики является активным в общении носителей языка, а также они активно используются в художественных произведениях, где вкладываются в речи персонажей.

Немалая часть привлеченных нами к анализу экспрессивных глаголов, несмотря на частотность в разговорной речи, отсутствует в ХРС. Считаем, что данный факт связан не только с литературной обработкой лексикографического материала, но и со сложностью и многообразием экспрессивной информации в смысловой структуре данного пласта лексической системы. В отличие от номинативной лексики, он нагружен дополнительными стилистическими, эмоциональными, оценочными функциями. Не зафиксированы, например, такие частотные глаголы разговорного употребления, как: *хышлат- / хошлат- «пить (чаще, спиртное)»*. *Пирген стопканы үр дее тутпин, хышладыбысчам* (Хт, с. 40) – Стопку, которую даю, [я] долго не держу, сразу выпиваю. *Паргабыс ол ичизер. «Сухой» арага хышлат парчабыс* (Хö, 147) – Мы пошли к той женщине. Пьем сухое вино. *Мин ол газировкалыг чирчені пір саңай хошладыбысчам* (Хö, 9) – Я чашку газировки тяпнул зараз; наар- «бить». Данный глагол обычно используется с аффиксом понудительного залога и в сочетании с вспомогательными глаголами *ал-* «букв. брать», *сал-* «букв. положить», создающими добавочный макрокомпонент завершенности действия. В этих предложениях актуализируется объект действия, производитель (субъект) же действия оформляется именем в дательном падеже: *Апсаама наардырып алдым* (Кча, 24) – Меня побил [мой] муж (букв. я побита моим мужем). *Агаа піреезі тудызарга сыын на көрзін, сах андох піске наардырып алар* (Ит, 115) – Пусть только кто-нибудь попробует полезть к нему драться, тут же будет побит нами.

В иных примерах фокус внимания направлен на объект (второго участника) действия, выраженного именем в именительном падеже, субъект не называется, хотя он и является инициатором действия: *Сынап таа син Иван полган ползаң, наардырып аларчыхсың* (Хö, 148) – Если ты действительно был бы Иваном, то был бы побит. – *Ізе, туттыр салза, наардыр салар кізі, чон ам чабал, – чалтанмохча Айкан* (Хт, с. 44) – Да, если поймают, побьют, сейчас народ злой, – робеет Айкан. В передаче таких информации, очевидно, что носители языка не чувствуют потребности в актуализации производителя действия.

Однако прямая направленность действия на объект актуализируется сочетанием глагола *наар-* с вспомогательным глаголом *пир-* «букв. дать»: *Чарас амох, а то поэңны наар пирербіс* (Хт, с. 49) – Мирись сейчас же, а то сейчас побьем тебя;

шап- «ударить; идти; пить и т.д.». *Агылах орын таап, алган бутылкаларын шаабысханнар* (Хт, с. 42) – Найдя укромное место, тяпнули свою бутылку. *Сухсап парган Марлоң пір саңай шабысты. Ох, хатыг, а! Өөзін ачыда саапча. Кізек паритса, пазох ур пирген ачыг асты хортладыбысча* (Хö, 128) – Марлон сильно жаждал и он тяпнул зараз.

Ох, крепкий [оказался]! Хайдар шаап паризың? – Куда [ты] идешь? Вероятно, глагол *шаап*- является фонетическим вариантом глагола *сап*- «букв. ударить».

Если названные и другие высокочастотные глаголы вовсе отсутствуют в ХРС, то также можно выделить глаголы, в словарной статье которых не отражаются переносные значения, например, *тундыр- разг. понуд.* от *тунарга* «1) глушить (*приводить в бесчувствие*) кого-л. чем-л.; *палыхты тундырарга* оглушить рыбу; *тундыра сабызарга* оглушить ударом; 2) заглушить что-л. (сорняками); *огородты тундыр саларга* заглушить огород сорняками; 3) заделать (*дыру, отверстие*); *тундыра чабарга* заделать дыру; 4) всучить, оглушить, насильно заставить кого-л. принять, взять что-л.; *ахча тундырыбызарга* всучить деньги; *аразанаң тундырыбызарга* оглушить кого-л. водкой» [18, с. 677]. У данного глагола мы выделили дополнительный переносный ЛСВ «бросать, кидать, швырять»: *Мин, полчаам чохта, пір оттыг турун хаба тартып, харалып одырган чирзер тундыри пиргем* (То, с. 73) – У меня больше не было выхода, схватил головешку с костра и швырнул в темное место; *сүс-* «1) бодаться, бодать кого-л., что-л.; 2) поддевать рогами что-л.; 3) *хамах сүзіп аларга* удариться лбом обо что-л.; *чир сүзерге* класть земной поклон» [18, с. 528]. В разговорной речи данный глагол часто используется как глагол со значением движения: *Сүс мыннаң* (Хө, 76) – Иди отсюда! Часто глагол *сүс-* используется с аффиксом понудительного залога *-тір-*, однако оттенок побуждения, если он и был, то в данном случае потерял свою значимость: *Ниме читпин, мин сүстіргем городсар?* (Хө, 7) – Чего мне не хватило, почему я уехал в город? *Нимее пазох сүстір килдің?* – Что ж [ты], опять приперся?

сыылат- «понуд. от *сыыла-* «заставить шипеть, жужжать; *сыылатпасха* не давать возможность шипеть (змеям); жужжать (насекомым); гудеть (об аппаратуре); *ух сыыладарга* издавать свист (о пулях)» [18, с. 563]. В данной словарной статье не обозначен переносный ЛСВ «двигаться быстро и с шумом» без конкретизации способа движения, который часто реализуется в повседневном общении носителей хакасского языка: *Ахча пиріңер, мин пір-ікі ле магазинзер сыылат пар килем* (Хө, 119) – Дайте денег, я раз-два слетаю в магазин;

тазылат- громко, звучно стучать; *ізік тазыладарга* а) громко стучать в дверь; б) хлопнуть дверью [18, с. 574]. В словарной статье данного глагола не зафиксирован переносный ЛСВ с экспрессивным оттенком «ударить, стукнуть»: *Полчалар андаг табаннар, иди хычыпчатса, парып, көңніне кірбеен кізінің чүзінең тазылат пар килчелер* (Хө, 81) – Бывают такие молодцы, у них чешутся руки, если кто не понравится, тут же могут стукнуть по лицу. Глагол *тазылат-* в ЛСВ «ударить, стукнуть» синонимизируется с рассмотренным выше многозначным глаголом: *ызылат-* «1) бросать, кидать что-л. с силой, резко; *тас ызыладарга* бросать с силой камень; 2) ударить, хлестнуть внезапно, резко; 3) *перен.* выпалить, сказать хлестко, хлестать словами; *сөснең ызыладарга* хлестать (убить) словом; *чоогын ызылат ла тур* [он] говорит и говорит (беспрестанно)» [18, с. 1036].

Экспрессивная лексика разговорного стиля характеризуется глубиной и богатством семантики, высокой степенью информативности. Поэтому желательно в практике словарной лексикологии учитывать все языковые категории, важные для описания многозначных слов, в том числе и образные, оценочные, метафорические, эмотивные, полисемантические, просодические, ассоциативно-прагматические и другие элементы экспрессивного слова. Для создания таких экспрессивно ориентированных словарей необходимы качественные разработки методов системного представления полисемантической информации в словарных статьях, где в равной мере будут учитываться все стилистические статусы лексической системы.

Знание родного языка – есть залог образно-интуитивного восприятия окружающего мира

Важность роли экспрессивной лексики как элемента живого (разговорного) языка, неопределима для его сохранения и развития. Образные, ментальные, чувственно-ассоциативные элементы в их содержании доступны для понимания только лицам,

в достаточной мере владеющим родным языком. Носитель языка на интуитивном уровне чувствует семантику экспрессивов. Как отметил И. А. Стернин: «Мы полностью знаем значение слова только тогда, если у нас сложился его чувственно-наглядный образ» [20, с. 6].

Рассматриваемый нами пласт глагольной лексики глубоко выразителен и получает конкретизацию своего выражения в контекстных ситуациях, однако иногда семантическая интерпретация бывает неоднозначной. Но носитель языка обычно не испытывает затруднений ни в использовании их в своей речи, ни в понимании их содержательных тонкостей. Как отмечает А. Д. Каксин: «Глубоко спрятанные смыслы, являясь результатом познавательной деятельности этноса, опираются на модели, проистекающие из особенностей мышления. В большинстве своем эти исходные данные, конечно, преломлены в языке, но некоторые явления и формы остаются тесно связанными с характеристиками этнической специфики» [21, с. 29].

Когда язык уходит, сужается его словарный запас. Более устойчивыми в использовании являются номинативные слова без каких стилистических и эмоциональных оттенков. Но фразеологические единицы, поговорки, переносные лексико-семантические варианты слов, экспрессивы и другие веками спаянные и созданные многими поколениями выражения выходят из употребления в первую очередь. Экспрессивы сохраняют в своем содержании мировоззренческие и ментальные элементы, накопленные многими поколениями. На наш взгляд, «... обильность использования экспрессивной лексики в разговорной речи – есть показатель достаточно надежного владения носителями родным языком и гарантия сохранения и развития хакасского языка» [22, с. 63], тем самым, подчеркивая глубинную роль экспрессивной лексики в деле сохранения и развития языка, мы отмечаем ее причастность к будущему нации.

Заключение

На примере глагольной лексики разговорного стиля мы обсудили вопрос расширения семантической структуры многозначной лексемы, которое обеспечивается за счет ее функционально-семантических возможностей. Как и в других языках, в хакасском языке семантический потенциал слова, реализуемый, в частности, в разговорно-бытовой сфере, способствует созданию лексической экспрессивности. Экспрессивная семантика слова формируется семантическими, сочетаемостными и грамматическими средствами, например, присоединение к глагольной основе показателей исчерпанности, завершенности действия или повелительного залога. В случаях метафорических переносов глаголов меняются и их семантические актанты, в целом же и их основные модели, отражающие прототипические ситуации.

Все рассмотренные нами глаголы составляют наиболее важный и ценностный фрагмент языка, демонстрирующий семантические тонкости и витиеватости образного мировоззренческого мышления говорящего на нем этноса. Для экспрессивной лексики свойственны территориальные и временные рамки. Подобная ситуация сохраняется не только в хакасском языке, но и в других тюркских языках. В ходе анализа языкового материала нами выявлены лексикографически не зафиксированные глаголы разговорного стиля или же у многозначных глаголов не обозначены их переносные экспрессивные значения. Экспрессивная лексика, заполняющая пространство разговорного дискурса, имеет хороший лингвистический потенциал, а также обязательно должен учитываться при решении лексикографических задач.

Л и т е р а т у р а

1. Бабицкене, З. И. Регулярная полисемия и ее отражение в русской и литовской лексикографии : на материале имен существительных : дисс. ... к. филол. н. / З. И. Бабицкене. – Ленинград, 1982. – 212 с.
2. Лещева, Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л. М. Лещева. – Минск : Изд-во МГЛУ, 1996. – 389 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека : научное издание / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Школа Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
5. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи / Ф. А. Литвин. – Москва : КомКнига, 2005. – 120 с.
6. Песина, С. А. Полисемия в когнитивном аспекте : монография / С. А. Песина. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 350 с.
7. Велибейли, И. Г. Полисемия глагола в современном азербайджанском языке : автореферат дисс. ... канд. филол. наук / И. Г. Велибейли. – Баку, 1991. – 23 с.
8. Дьячковский, Ф. Н. Лексическая полисемия непрямых имен прилагательных в современном языке саха : системно-семантический аспект : автореф. дисс. ... к. филол. наук / Ф. Н. Дьячковский. – Якутск, 1997. – 22 с.
9. Кидирниязова, М. И. Полисемия в ногайском языке : автореф. дисс. ... к. филол. наук / М. И. Кидирниязова. – Махачкала, 2003. – 19 с.
10. Матвеева, Е. П. Семантическая структура многозначного глагола в якутском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. П. Матвеева. – Якутск, 2007. – 25 с.
11. Кокошникова, О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири / О. Ю. Кокошникова. – Новосибирск : Сова, 2004. – 139 с.
12. Шагдурова, О. Ю. Образно-характеризующие значения многозначных глаголов в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири / О. Ю. Шагдурова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 11. – № 9 : Филология. – 2012. – С. 110–114.
13. Чертыкова, М. Д. Семантическая структура многозначных ментальных глаголов в хакасском языке / М. Д. Чертыкова // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2014. – № 10. – С. 90–94.
14. Чертыкова, М. Д. Синонимические пересечения многозначных глаголов в хакасском языке / М. Д. Чертыкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 5–1 (56). – С. 119–121.
15. Лукьянова, Н. А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии / Н. А. Лукьянова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2009. – № 1(9). – С. 211–215.
16. Матвеева, Т. В. Экспрессивность русского слова / Т. В. Матвеева. LAP LAMBERT Academic Publishing. – 2013. – 173 с.
17. Бондарко, А. В. Русский глагол : Пособие для студентов и учителей / Под ред. проф. Ю. С. Маслова. – Ленинград : Просвещение. Ленинградское отделение, 1967. – 192 с.
18. Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сөстигі: около 22 тыс. слов. Авторы: О. П. Анжиганова, Н. А. Басаков, М. И. Боргояков [и др.] ; под общей редакцией О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
19. Кустова, Г. И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенцальной сферы / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3. – С. 53–79.
20. Стернин, И. А. Эмпирический компонент в значении слова / И. А. Стернин // Сопоставительно-семантические исследования русского языка : сборник статей. – Воронеж : Воронежский государственный университет. – 1979. – С. 5–10.
21. Каксин, А. Д. Культура и язык этноса : к вопросу о диалектике связи / А. Д. Каксин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – № 9–2 (84). – 2023. – С. 27–30.

22. Чертыкова, М. Д. Роль экспрессивной лексики в сохранении и развитии хакасского языка / М. Д. Чертыкова ; отв. ред. Н. С. Майнагашева // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий : материалы IX Международной научной конференции, посвященной Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.). – Абакан : Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2023. – С. 58–64.

References

1. Babitskene, Z.I. (1982). *Regular polysemy and its reflection in Russian and Lithuanian lexicography: on the material of nouns*. Candidate of philological sciences. Leningrad. (In Russ.)
2. Leshcheva, L.M. (1996). *Lexical polysemy in the cognitive aspect*. Minsk: MSLU Publishing House.
3. Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the human world: scientific*. ed. Moscow: School Languages of Russian Culture, 896 p.
4. Kustova, G.I. (2004). *Types of derived meanings and language extension mechanisms*. Moscow: Languages of Slavic culture, 472 p.
5. Litvin, F.A. (2005). *Polysemy of words in language and speech*. Moscow: KomKniga, 120 p.
6. Pesina, S.A. (2005). *Polysemy in the cognitive aspect: monograph*. St. Petersburg: Publishing house of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 350 p.
7. Velibeyli, I.G. (1991). *Polysemy of the verb in the modern Azerbaijani language: abstract of thesis*. Summary of Candidate dissertation (Philology). Baku. (In Russ.)
8. Dyachkovsky, F.N. (1997). *Lexical polysemy of non-derivative adjectives in the modern Sakha language: Systemic-semantic aspect*. Summary of Candidate dissertation (Philology). Yakutsk. (In Russ.)
9. Kidirniyazova, M.I. (2003). *Polysemy in the Nogai language*. Summary of Candidate dissertation (Philology). Makhachkala.
10. Matveeva, E.P. (2007). *Semantic structure of a polysemous verb in the Yakut language*. Summary of Candidate dissertation (Philology). Languages of the peoples of the Russian Federation (Yakut language). Yakutsk.
11. Kokoshnikova, O.Yu. (2004). *Semantic structure of a polysemous verb in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia*. Novosibirsk: Publishing House "Sova".
12. Shagdurova, O. Yu. (2012). Figurative-characterising meanings of polysemous verbs in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia. *Bulletin of NSU. Series: History, philology*, 11 (9): Philology, pp. 110–114.
13. Chertykova, M.D. (2014). Semantic structure of polysemous mental verbs in the Khakass language. *Bulletin of the Khakass State University. N.F. Katanova*. (10), pp. 90–94.
14. Chertykova M.D. (2021). Synonymous intersections of polysemous verbs in the Khakass language. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. (5-1) (56), pp. 119–121.
15. Lukyanova, N.A. (2009). Discussion points in the interpretation of expressiveness as a category of lexicology. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*. 1(9), pp. 211–215.
16. Matveeva, T.V. (2013). *Expressiveness of the Russian word*. LAP LAMBERT Academic Publishing, 173 p.
17. Bondarko, A.V. (1967). *Russian verb: A manual for students and teachers*. Ed. prof. Yu.S. Maslova. Leningrad: Prosveshenie. Leningr. Department, 192 p.
18. Anzhiganova, O.P., Baskakov, N.A., Borgoyakov, M.I. et al. (2006). *Khakassian-Russian dictionary – Khakass – orys sostigi: about 22 thousand words*. Under the general editorship of O.V. Subrakova. Novosibirsk: Nauka, 1114 p.
19. Kustova, G.I. (2005). On the semantic potential of words in the energy and experiential spheres. *Questions of linguistics*, (3), pp. 53–79.
20. Sternin I.A. (1979). *Empirical component in the meaning of a word*. Comparative and semantic studies of the Russian language: collection of articles. Voronezh: Voronezh State University Publishing House.
21. Kaksin, A.D. (2023). Culture and language of an ethnic group: on the issue of dialectics of communication. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (9-2) (84).

22. Chertykova, M.D. (2023). *The role of expressive vocabulary in the preservation and development of the Khakass language*. Peoples and cultures of Sayan-Altai and adjacent territories: materials of the IX International Scientific Conference dedicated to the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages (Abakan, September 21–22, 2023). resp. ed. N.S. Mainagasheva. Abakan: V.M. Torosov Khakass book publishing house, pp. 58–64.

Список иллюстративных источников

Ах – Котожеков Г.Г. Айдолайның хаңалчостары. / Пьесалар. Сборник пьес. Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства. 1991. С. 218-263.

Ит – Татарова В.К., Топоев И.П., Чапрай А.И. (Котожеков) и др. Иргенгі тан (Утренний ветерок). Повесть и рассказы на хакасском языке. Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства. 1986. 184 с.

Кх – Нербышев К. Көгім хорымнады. Роман. Пастағы книга. Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства. 1983. 207 с.

Кча – Топоев Ю. Көңнім чайгам айабин... Любовь дарил, не жалея. Пьесы, рассказы, стихи, очерки. На хакасском языке. Абакан: Хакаское книжное издательство. 2012. 400 с.

Пт – Чарков С. Пастағы таныстарым. Чоохтар. Абакан: Хакасиядағы книга издательствозы. 1959. 82 с.

То – Бурнаков Ф. Тигір оды. Повесть. Абакан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1977. 138 с.

Хө – Топоев И. Хоңалтых өдік – 2. Болтунишка – 2. Хормачы чоохтар. Сборник юмористических рассказов на хакасском языке. Абакан: Дом литераторов Хакасии. 2014. 188 с.

Хт – Топоев И. Той // Хан тигір. Хоос литература альманағы. Ағбан: Хакас книга издательствозы. 1995. С. 39-341.

Чкч – Чарых күнниг чирім. Солнечный мой край. Сб-к художественных произведений хакасских авторов / Сост.: А.Е. Султреков, Л.В. Челтыгмашева, Н.С. Майнагашева. Абакан: Хакаское книжное издательство, 2007. 348 с.

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

E-mail: chertikova@yandex.ru

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Researches and Sayan-Altai Turkology, N.F. Katanov Khakass State University.